

ДИПЛОМНАЯ ПРАКТИКА В КАРЕЛИИ

ДОБЫТЧИКИ

Экспедиционных машин было две: армейский бортовой грузовик ГАЗ-63 с двумя ведущими мостами по прозвищу «Колун» и новенький легковой ГАЗ-69 по имени «Бобик». «Колун» находился в крайней стадии изношенности, и новыми у него были только мощные ребристые колеса. Зато спидометр «Бобика» показывал всего семнадцать километров пробега, и машине предстояла обкатка двигателя.

Шофер на две машины был пока один, и я подозревал, что рулить весь сезон опять придется мне. Хорошие шоферы имели постоянную высокооплачиваемую работу, а в экспедиции часто стремились горькие пьяницы, еще не потерявшие надежду изжить свой порок вдали от соблазнов цивилизации.

Когда я впервые увидел нашего шофера Володю, то меня поразило его лицо с несколькими небольшими, но мужественными шрамами. Сразу было видно, что парень хлебнул в жизни «полные пригоршни». Первый день шофер со мной почти не разговаривал, а я очень уважал молчаливых людей. Может быть потому, что сам немного болтлив, а в молчании всегда кроется какая-то загадка. Володя только что получил водительские права, которых был лишен за пьянку на два года.

Для отправки машин в экспедицию была заказана железнодорожная платформа, и мы вкалывали в гараже с утра до вечера, чтобы успеть отремонтировать «Колун» к сроку. Между делом я тактично поинтересовался происхождением шрамов на лице Володи, и он рассказал, как однажды зашел к приятелю распить бутылку водки. На диване лежала маленькая, злая на вид собачка. Ее накануне притащил с улицы сынишка приятеля.

«Чья это такая хорошая собачка? – Володя приблизил к собаке лицо, и чтобы совсем расположить к себе животное, игриво произнес: – У... тю... тю..., . тю... тю...»

Собака зарычала в ответ, и так как от пьяниц в своей жизни, вероятно, изрядно хлебнула, с неожиданной яростью, бросившись вперед, вцепилась зубами гостю в щеку. Хватка у нее оказалась бульдожья. С трудом удалось оторвать собаку, и пострадавшего отправили в больницу. Пес благоразумно смылся с места происшествия, а Володе в течение месяца вкатили сорок уколов от бешенства.

После окончания ремонта начальник выдал нам премию – бутылку водки. Я предложил оставить ее в дорогу. Но Володе явно хотелось выпить немедленно. Он налил себе половину граненого стакана и залпом выпил. Закурив вместо закуски папиросу, шофер неожиданно быстро захмелел. Отключившись от внешнего мира, он стал беседовать сам с собой.

– Добытчики! – усмехнулся шофер, имея в виду, вероятно, себя и меня. – Едем добывать хлеб свой нелегкий. Добытчики!

Глядя перед собой и глупо улыбаясь, Володя заикнулся на этой фразе и повторил ее раз десять кряду. С этого момента я стал про себя называть водителя «Добытчик».

Рано утром, в день отъезда, на Московской товарной мы загнали машины на открытую железнодорожную платформу. Теперь надо было привязать автомашины к низким бортам. Но проволоки не оказалось. Рядом

стояла такая же платформа и на ней, прочно закрепленный проволокой, ГАЗ-63 с эмблемой Академии наук на кабине. Из-под брезента кузова вдруг показалась голова классического бича: небритая физиономия, мутные глаза и хриплый кашель. Он курил, как зэк, держа папиросу в кулаке.

– Приятель, – обратился я к рабочему, – у тебя проволоки не осталось?

– Три рубля, – коротко ответил бич, нагло ухмыляясь.

Я демонстративно повернулся к бичу спиной и больше с ним не разговаривал. Володя отправился на поиски и раздобыл бухту мягкой пятимиллиметровой проволоки. Мы крепко привязали машины. Бич молча наблюдал за нашей работой из кузова. Когда мы закончили и уселись на шпалы перекурить, он подошел к нам вразвалочку и, как ни в чем не бывало, поинтересовался, откуда мы такие красивые.

– Проволока нужна? – Володя кивнул на остатки бухты. – А то можем уступить, за три рубля.

– Заткнись гнида! – вдруг злобно крикнул бич.

Я не выдержал такой наглости, схватил незваного гостя за шиворот ватника, развернул и толкнул по направлению к машине. Бич, не оборачиваясь, побежал, залез в кузов и тотчас же из-под брезента показалось дуло трехстволки. Грозно сверкнула линза мощного оптического прицела.

– Ну, что, падла, рот разинул? – торжествующе крикнул мне бич. – Иди сюда, поговорим.

Я схватил с земли железную скобу и, прыгая из стороны в сторону, зигзагами двинулся к машине бича.

– Осторожно, сейчас дробью в рожу пальнет! – крикнул Володя, благоразумно прячась за телеграфный столб.

Стволы дергались влево и вправо, удерживая меня на линии огня; под ногами бегал зайчик от линзы прицела. Когда до машины оставалось несколько метров, перед бичом встала дилемма: стрелять или не стрелять. Он благоразумно выбрал второе, и стволы исчезли за брезентовым пологом.

Мне тоже надо было решать: лезть в кузов или нет. Со страху бич мог пальнуть в упор. Я кинул скобу в брезент, крикнул что-то обидное и вернулся к нашей машине. Бич затих и больше не показывался. На этом инцидент был исчерпан.

Даже когда знаешь время отправления, ожидание отхода поезда – занятие утомительное. Мы ждали несколько часов и, наконец, наш состав тронулся. Как по заказу, хлынул проливной дождь. Мы забрались в машину. Свернувшись калачиком на заднем сиденье «Бобика», я задремал. Проснулся от холода. Володя мирно разговаривал с бичом через приоткрытую дверь. Тот стоял на дожде весь мокрый и опасно поглядывал в мою сторону. Я отвернулся и попытался уснуть. Володя снова толкнул меня и попросил:

– Разреши ему посидеть у нас в машине, простудится человек.

– Пускай, – я закрыл глаза.

Шофер и бич долго о чем-то болтали.

– Пошли к нему в машину, – предложил Володя, толкая меня в бок, – она наполовину пустая, можно там и переночевать.

– Идите, я останусь здесь.

– Да ладно, хватит обижаться, пойдем на чай. У него есть газовая плита.

Горячего чаю хотелось страшно. Мы отправились в гости.

Состав с грохотом летел сквозь мутную пелену дождя. Холодные капли больно стегали по лицу. Не было видно ни начала, ни конца состава. Платформу болтало на неровностях пути. Машины плавно раскачивались из

стороны в сторону. С риском для жизни, по лязгающим мокрым буферам, мы перелезли на соседнюю платформу.

Под брезентом в кузове машины было просторно и сухо. Вдоль бортов стояли две широкие откидные скамейки, служившие кроватями, между ними маленький столик. У заднего борта миниатюрная газовая плитка. На спальном мешке лежала трехстволка с мощной оптикой.

– Откуда у тебя ружье? – я машинально взял оружие и переломил. Нижний нарезной ствол был пуст, в верхних – два патрона. К моему величайшему удивлению патроны оказались не дробовые. Из гильз торчали тупые головки пуль Штандебача с деревянными ребристыми хвостовиками. Схлопотать такую штуку в живот – мало не показалось бы.

– Ружьё моего начальника... – бич назвал фамилию известного московского геолога, – у него тяжело заболела жена, он бросил все, оставил на меня машину и рванул в Москву.

Я заварил крепкий чай. Бич вдруг достал из баула армейскую фляжку. Володя замер как сеттер в стойке. Только дурак мог усомниться, что в той фляге находится спирт.

– По лампадке на мировую? – бич вопросительно глянул на меня и разлил спирт по кружкам.

Гидролизный спирт вонял резиной, как старая калоша. Но все же «на мировую» я пригубил.

Володя залпом опрокинул свою кружку, и когда спирт горячей волной обжег ему пищевод, прижал кулак к впалому животу вместо закуски.

– Хорошо! – выдохнул он.

– Хорошо – это когда выпьешь, да ещё, – глубокомысленно заметил бич и разлил по второй.

Пить с ними мне было неинтересно, и я собрался уходить.

– Оставайся с нами! – заплетающимся языком предложил Володя.

– Это тебе, подарок, – бич вдруг сунул мне в руку пластмассовую коробочку.

Отказываться от подарка всегда неудобно, но и ходить в должниках не в моих правилах. Ничего, кроме часов, у меня не было, и я отдал их бичу. «Махнул не глядя», как на фронте говорят.

Откинув брезент заднего борта, я выглянул наружу. Серая мгла сразу прилипла к лицу, как мокрая вата. Захотелось немедленно застегнуть брезент, остаться в тепле и выпить еще кружку горячего чая. Но я пересилил себя и спрыгнул вниз на платформу. Холодные капли дождя стегали по лицу, как дробины. Капюшон штормовки раздувало ветром и срывало с головы. Вагоны резко болтали из стороны в сторону и, перелезая на свою платформу, я поскользнулся на сцепке и чуть не сорвался под колеса.

В кабине «Бобика» сквозило холодным ветром. Двигатель завелся легко, и вентилятор погнал в салон теплый воздух. При свете фонаря я наконец-то рассмотрел, на что обменял свои часы. Бич подарил мне миниатюрные аптекарские весы с разновесами. На таких взвешивают порох для снаряжения ружейных патронов. От нечего делать я разобрал и еще раз смазал старое ружье.

Володя пьянствовал с бичом всю ночь. Когда соседнюю платформу неожиданно отцепили, я едва успел перетащить пьяного шофера в «Бобик». Самому пришлось перебраться в грузовик.

Дождь хлестал не переставая. Казалось, стихия вознамерилась затопить все пространство серой булькающей водой. Пронзая сумрак белой ночи, товарный состав мчался на север к студеному Белому морю. Земля

стонала под гнетом тысячетонной железной машины. Автомашины, привязанные к боковым крюкам, раскачивались и скрипели как на палубе корабля. «Колун» мы специально поставили в передней части платформы, носом по ходу движения состава, и он, словно ледокол, рассекал встречный поток воздуха, заслоняя от ветра маленький «Бобик».

Не вылезая из теплого спального мешка, я откинул брезент. В кузов ворвался холодный ветер. В насыщенном влагой воздухе ощущался едва уловимый запах сырой земли и прелой листвы. Как будто стояла не середина июня, а ранняя весна.

Ветер неожиданно разорвал серое покрывало облаков, и сразу посветлело. Красный шар неяркого солнца вынырнул из-за сопки и полетел рядом с составом над самыми верхушками остроконечных елей.

Я смотрел на солнце и думал о ребятах с нашего курса, которые разбегались на дипломную практику по всему Союзу. Захотелось сочинить об этом песню. После часа творческих мучений удалось срифмовать только два слова: Памир и Таймыр. Я оставил Музу в покое и решил подарить срифмованные слова Нику для какого-нибудь стихотворения.

Состав с грохотом пролетел железнодорожный мост. Внизу мелькнула темная гладь широкой реки. По вагонам лавиной покотился железный лязг смыкающихся буферов, платформу дернуло, груз в машине сместился и меня завалило тяжелыми брезентовыми палатками. Состав тормозил, приближалась станция.

Платформу отогнали на запасные пути и видимо надолго. Воспользовавшись затишьем, я быстро приготовил на примусе суп из пакетов и чай. Очнувшись после запоя, из кабины «Бобик»а выполз Володя, по всей видимости с целью «добычи хлеба своего нелегкого». У шофера сильно дрожали руки, и если бы золотая рыбка одарила его сейчас кружкой пива, то он рисковал выбить себе передние зубы. В данный момент шофера можно было использовать разве что на распитовке дробленых проб.

– Где я? – застонал Володя.

– В аду, быстро раздевайся, сейчас полезешь в котел.

– Мне холодно, – заныл шофер.

– Скоро согреешься, черти за смолой ушли.

– Водки больше нет? – в мутных глазах водителя сверкнула искорка надежды.

Володя точно знал, что у меня нет водки. Но надежда всегда умирает последней. С другой стороны, как говорится, «за спрос не бьют в нос». Хотя именно за спрос Володя получил от собачки в нос.

– А одеколон? – шофер вспомнил, что у меня есть флакон одеколona.

Этого флакона шоферу хватило бы еще на сутки пьянки, а завтра мы по графику прибывали на станцию назначения и в тот же день должны были перегнать машины на запад к финской границе. Я промолчал.

Шофер уполз в кабину «Бобика» и нарочито громко застонал, чтобы его голос не заглушил стук колес. Вдруг в кабине наступила тишина. Заподозрив неладное, я открыл обтянутую брезентом дверь. С заднего сиденья на меня затравленно смотрел Володя. На его коленях лежал мой открытый несесер и дрожащей рукой он пытался отвинтить пробку на флаконе «тройного» одеколona.

– Простите сэр, не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен? – галантно осведомился я.

Лицо Володи выразило крайнюю степень муки. Казалось, вся его жизнь решалась в это мгновение.

– Студент, – с чувством произнес шофер, наконец-то справившись с пробкой, – неужели грех на душу примешь и дашь мне умереть?

Накануне Володя поведал мне жуткую историю про своего друга, который умер на крыльце магазина оттого, что не успел вовремя опохмелиться – в его кулаке были зажаты мятые три рубля.

Грехов у меня и без того хватало. Я махнул рукой, и Володя вылил содержимое флакона в рот; глаза его затуманились, и он превратился в «добытчика хлеба своего нелегкого».